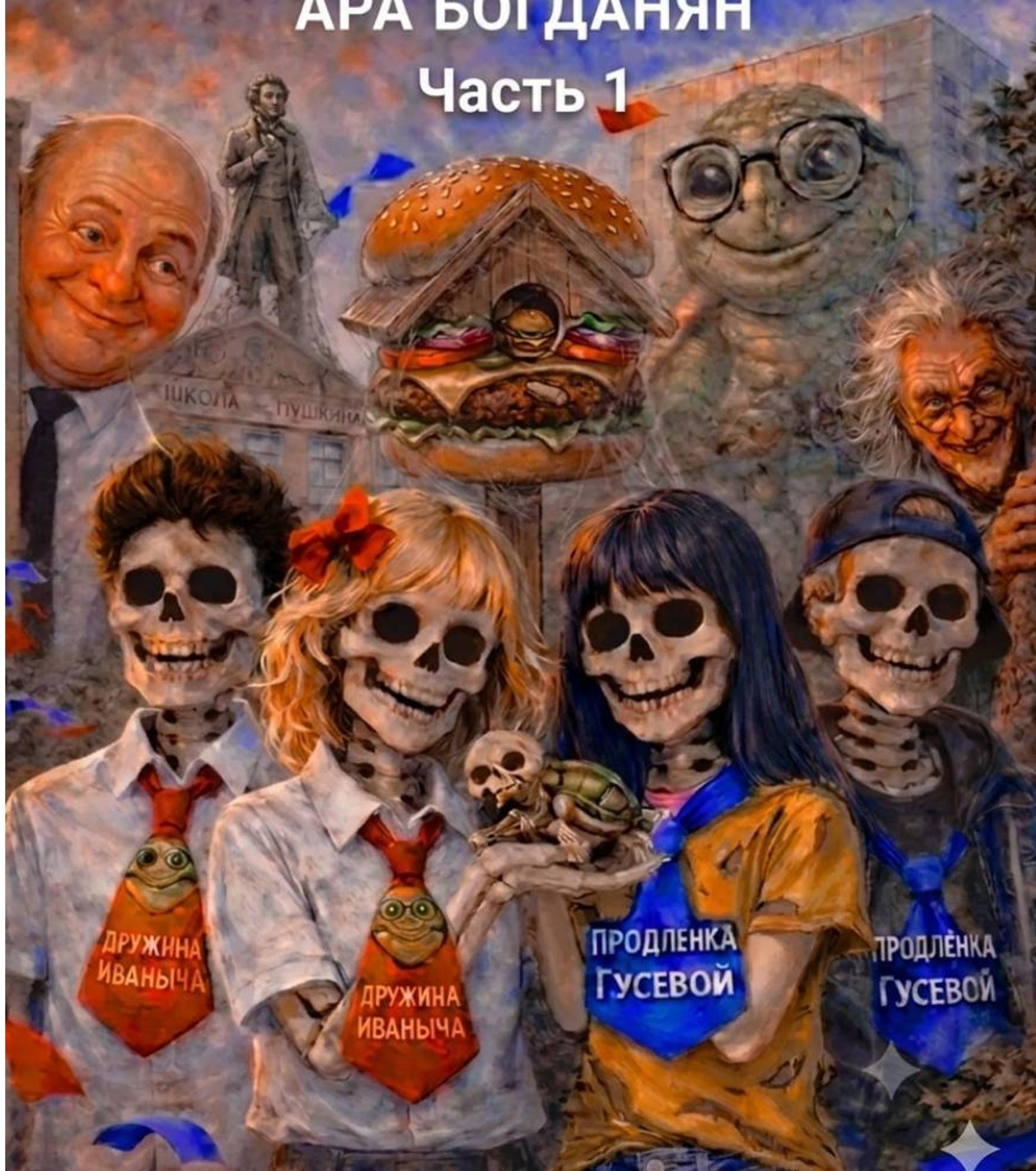

ОЖИВШИЕ ПО ОШИБКЕ

АРА БОГДАНЯН

Часть 1

Ара Богданян

Ожившие по ошибке. 1 часть

«Автор»

2026

Богданян А.

Ожившие по ошибке. 1 часть / А. Богданян — «Автор», 2026

Первая часть произведения "Ожившие по ошибке" рассказывает о том, как в школу имени Пушкина начала 2000-ых годов, безумный учёный Иван Иванович внедряет четверых роботов в виде Скелетов-подростков - "Татьяна, Георгий, Юлия и Дмитрий", - для возрождения советских традиций.

© Богданян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ожившие по ошибке. 1 часть

ЧАСТЬ 1

ОТ АВТОРА

- «Называй меня Стюля, каждый, кто считает, что банальности типа Юля тут не прокачают"

Так начиналась известная песня Скелетонов из популярной рекламы йогуртов, глазированных сырков и творожков с кусочками желе. Помню, как мальчишкой, я даже принимал участие в школьных шуточных конкурсах, накрасив себя Скелетоном-Диджеем, и трое ребят рядом со мной изображали Басту, Жорика и Стюлю, и мы вместе, с восторгом применяя на себя образ этих Скелетов-Подростков, пели – «Скелетон Я».

Да уж, эти Скелетоны были словно идеальным воплощением нас, московских школьников 2000-ых, которые охотно открывались технологическим новинкам, таким как мобильники вроде – Nokia 3310 (тогда это был просто невероятный супер-телефон, с игрой в популярную Змейку) или гаджетам вроде всеми обожаемого Тетриса. Что уж говорить о Макдональдсе ... Помню себя в футболке с изображением костей, которую надевал в школу – обязательно. Мы пытались подражать этим Скелетонам, сами не зная почему, - они так быстро стали олицетворением нашей московской подростковой жизни, что мы иногда воспринимали их живыми, реально существующими друзьями, которые тусуются с нами каждый день. Удивляюсь, что я до сих пор помню их образ и характеры, и даже черепашку «Ракета» (ручная черепаха-скелет), которая была неизменным спутником этих Скелетонов. Мне больше запомнился Диджей, носящий кепку задом наперёд, с наушниками на шее, обязательно с пультом или диском в руке, и со своим вечным рэпом, - можно сказать, самый продвинутый из группы, следящий за трендами, и конечно не мыслящий себя без музыки и вечеринок, с его - клубникокольно (игра на слове «прикольно» + отсылка ко вкусу йогурта) или – забивай на скуку – включи бит, запилим микс, отождём на тусе Именно ему я и подражал, причём можно сказать, ни по своей воле, потому что на конкурсе Скелетонов, где каждый класс исполнял песню и выбирали лучших, мне просто сказали: «так, ты у нас стопроцентный Диджей, встань туда и запили рэп про йогурт». Я даже не знаю, почему так решили, но наверное из-за внешности, да ещё и волосы у меня тогда были покрашенные, стильные. Но рэп ... боже, как я был далёк от этого, вообще не мой жанр. Но слава богу я справился, мои запинки попадали под ритм, и это веселило всех собравшихся и жюри, им доставляло удовольствие наблюдать как я ритмично запинаясь, произнося слова не полностью.

Именно те воспоминания, те образы из детства и стали далеким, но ярким вдохновением для персонажей этой книги. Но только отчасти, потому что эта книга стала больше, чем я предполагал, и пока я её писал, в ней стрелянули неожиданные краски и другие глубины. История как будто начала жить сама, уже не слушаясь меня, и это очень круто, я люблю такие сюрпризы.

Так что: устраивайтесь клёво и шевелите костями. Погнали!

1. ШКОЛА, ГДЕ ПУШКИН ПЛАЧЕТ

Москва 2000-ых: серые стены школы имени Пушкина ещё помнят те времена ... Здесь когда-то учились, сочиняли, выводили свои первые строчки будущие, порой великие писатели; здесь росли выдающиеся математики, люди науки; уже тогда начинали конструировать роботов настоящие гении инженерной мысли, - хотя, если честно, таким инженером был только один, Иван Иванович, но о нём позже ... Отсюда выходили и известные профессора, преподаватели: вообще, талантливые люди. Но сегодня эти стены не узнать; тут торопливые шаги двоечников,

измученные коридоры терпят постоянную беготню, мат и хулиганье, терпят орущих и дерзких подростков с их колючими взглядами, и, к сожалению, драки за школой ...

Но наши Вика и Дарья, которые сейчас красуются перед зеркалом, не плохие, хоть и решили сгонять в Макдональдс. Вот представьте, стоит перемена: там у зеркала в коридоре, который залит этим скучноватым, тусклым светом от мигающих ламп, застыли девчонки в стиле «Тату», и стоят в чёрных кожаных куртках, делают себе броский макияж, одна в рваных джинсах, другая в красной клетчатой юбке.

– Го в МакДак? Спорим, за пятнадцать минут уложимся? – спрашивает Дарья, глядя на подругу с вызовом в глазах, пока Вика ловко наносит помаду.

– Да мы за двадцать еле успели в тот раз ...

– А слабо за десять? – улыбается Дарья, и её улыбка, яркая и немного опасная, точь-в-точь как молния на куртке; будет, наверное, распаривать сейчас школьные коридоры ...

– Ты выдумщица, это нереально. – говорит Вика.

Они переглядываются, и в одних этих взглядах виден целый мир подростковой свободы: вызов правилам, жажда приключений, ощущение собственной неуловимости ... и всё же лёгкая паника: «А вдруг нас поймают?»

– Слышь, а прыщавый не спалит?

– Ты чё, забыла? Ждём, как только наливает чай, и бежим, – отвечает Дарья и поправляет свои прядь волос с движением как у ловкого спец-агента.

У них в руках старенький кассетный плеер: его пластик уже засален, там куча мелких царапин, и после щелчка кнопки включения, из динамика рвётся любимый ритм: «Нас не догонят!», и девчонки тихонько крадутся к выходу; они как тени в коридоре, идут слегка на цыпочках, втягивают плечи и стараются не дышать; а охранник, которого называют «прыщавым», опять поглощён своим ритуалом: он медленно помешивает сахар в надбитой кружке, уставившись в одну точку, и снова слышен этот противный скрежет. Конечно, для девчонок он просто цепной сторожевой пёс.

– Во повезло! – шепчет Вика.

– Ну что, насчёт трёх... погнались! – не даёт себе времени на раздумья, Дарья.

И по коридору разносится - «Нас не догонят!»; плеер орёт на полную мощность и девчонки срываются с места, оставляя за собой лишь эхо смеха и адреналина, и их смех, сливаясь с ритмом музыки, превращается в нечто вроде победного клича: «Мы покоряем этот мир. Ну или хотя бы Макдак»; охранник замирает с ложкой в руке, увидев их в момент, когда они несутся к двери, и смирившись, что уже поздно, продолжает помешивать чай дрожащей рукой и бубнить себе под нос - «Ну вот опять, нашли момент ...».

Москва пасмурная, она встречает беглянок холодным ветром, но подружки смелые и шире распахивают куртки, подставляя воздуху свои разгорячённые лица; как будто холод смешивается с адреналином и остужает после побега щеки, и как будто пьянит девчонок, а не пугает.

- «Нас не догонят!» – продолжают они скандировать.

Тут спотыкается одна из девчонок, и книгу, вылетевшую из расстёгнутого портфеля, подхватывает случайно проходивший мужчина: он немного лощёный, с каким-то журнальным лоском.

– Девчонки Тату, будете такими яркими, возьму вас в рекламу. – говорит и улыбается, взгляд немного игривый. - Я как раз планирую съёмку с подростками. Будем йогурты выпускать.

– Да какие йогурты, вы чё?!...

Хоть девчонки и смеются, но в их глазах мелькает искра интереса, прямо как у котят, увидевших лазерную указку.

– Ну смотрите, только уроки часто не свистите, беглянки ...

– А вы как узнали?

– Так вы же из Пушкинской школы выбежали. Моя дочь Ксюша там же учится. Может, слышали, Ксения Петрова? .

– А, не, чё-то не видела ...

– Понимаю, школа у вас большая. Ну ладно, летите. Только осторожнее, а то опасно так нестись под Тату ...

Сначала девчонки переглядываются, смеются, затем подхватывают напоследок ритм своей победной песенки и чуть ли не перекрикивая шум большого города, летят дальше по московским улицам, пока их дерзкий смех ни тает в сумерках.

Теперь переместимся в следующее утречко, там уже стоит привычный школьный гул. Коридор школы имени Пушкина превратился в стадион, и сразу рюкзаки полетели на пол, потому что это не рюкзаки - это ворота; а Лёха фонтанирует на весь коридор своей энергией, он сделал мяч из носков ...

– Ну чё? До пяти голов? - выкрикнул он, пиная свёрток с носками, и вид у него прям как у профессионального футболиста ...

Но тут послышался грохот ведра, и из-за угла пожаловала уборщица: встала вся злая, в мыльных брызгах, с багровеющим лицом. Подростки отлетели – «вот блин». Лёха тоже отшатнулся, но как-то удержал на лице улыбку, и началось:

– Опять тут футбольный матч устроили?! Я тут коридоры мою, а они... Вам что, физкультуры мало?! Ты что тут свои грязные носки пинаешь?! Или идите к чёрту на седьмой этаж, там места больше, ради бога!

Но только посмеялись подростки, ещё и вовсю потешаясь над уборщицей, а та, уже, кажется, забыла о них, потому что взгляд застрял в окне, а там ...

Вот они, рыжие от ржавчины, исписанные мелом любимые гаражи за школой, и по ним, как стайка воробьёв, скачут первоклашки; эти гулкие бумы слышны во дворе и чуть ли не по всей школе, будто играет огромный барабан, и каждый прыжок младшеклассника сопровождается весёленьким воплем, пока уборщица у окна холодеет.

– Мама дорогая! Они опять по крышам прыгают! Чего домой не идут, у них уроки уже закончились?! Сейчас опять допрыгаются! Ну что с ними делать...

И допрыгались! Один из мальчишек, родом кстати из Тбилиси, наш смешной Вахтангчик, конечно нехотя, но раз уж заставили, решил перепрыгнуть с одного гаража на другой, и в том самом месте, где расстояние между гаражами было приличным.

– Давай, чё слабо?! Чито-Маргарито ... – подстёгивая его, выкрикивали друзья, которые были по ловчее. А тот ни за что не сдавался:

– Думайтее не могу, да? - сказал и смело разогнался, и через секунду друзья увидели какую-то лихость заправского акробата ...

И вот, нога мальчишки подвернулась, от страха ещё и равновесие потерял, и уже летит вниз. К счастью, гараж был невысоким, и падение оказалось не таким страшным, и в следующую секунду дружная команда уже была рядом. Они попытались успокоить плачущего товарища, потом опешили, увидев на руке свежие царапины, взяли его и потащили на руках в школу, прямиком в кабинет медсестры. А медсестра, молодая женщина, занятая чаем и болтовнёй с коллегой, тут же вздрогнула от громких возгласов и вылетела из кабинета; её испуганный взгляд метнулся к мальчишке Вахтангу, который еле перебирал ногами. Сначала женщина встала и выпрямилась, показав себя в угрожающей позе, но быстро лицо смягчилось; она усадила мальчишку к себе на колени, достала пузырёк с зелёнкой и принялась обрабатывать царапины, говоря:

– Ну что, доигрались? Ну что с вами делать?

А стоящие рядом дружки попытались изобразить нечто вроде раскаяния, но в их глазах всё ещё искрилось веселье, хоть они и виновато опустили головы.

Уже позже закатное солнце скользило по фасаду научно-исследовательского института. Его ленивые лучи, пробиваясь сквозь редкие облака, выхватывали из тени огромный рисунок, от которого исходила дружелюбность. Рисунок был прямо на стене здания, - это блекло-зелёная черепаха в очках, с её припавшей пылью улыбкой советских времён, и черепаха застыла над входом так, словно всё ещё охраняла секреты ушедшей эпохи. Мимо торопливо пробежали младшеклассники – те самые сорванцы, что прыгали по гаражам; их смех разносился по улице, они неслись к институту, и один из мальчишек ткнул пальцем в сторону входа:

– О, зырьте! Черепаха-Иваныч идёт!

Остальные тут же повернули головы. Из дверей неспешно вышагивал Иван Иванович, высокий, неуклюжий учёный в измятом и пятнистом белом халате: его седые волосы, как антенны на радаре, торчали в разные стороны, очки сползли на кончик носа, грозя в любой момент упасть, а походка напоминала движения механической куклы; нос длинный и кривой, как будто его ломали раз десять ...

– Черепаха-Иваныч! Черепаха-Иваныч! – затараторили ребята.

Они принялись его дразнить, приплясывая на безопасном расстоянии, потом кружили вокруг учёного, как назойливые мухи, то забегая вперед, то резко отскакивая назад, но Иваныч даже не сбился с шага; он был погружён в свои мысли, ничего не замечал, и в какой-то момент лишь поправил очки, словно отмахиваясь от невидимого сквозняка. Учёный медленно брёл вперёд; он рассеянно потирал пуговицу халата и бормотал что-то о квантовых колебаниях и лабораторных экспериментах. – «Если мы сможем стабилизировать этот резонанс... Ах, нет, это не сработает... Нужно добавить ещё один параметр...». А мальчишки хохотали и продолжали выкрикивать прозвище, пока не свернули за угол.

Кабинет директора Семёна Козловского весь в сигаретном дыму, - он напоминает Бородинское поле в разгар сражения. Сорочка и галстук директора как выжатые, он яростно вжимает телефонную трубку в щеку, ругаясь с Министерством.

– Я делаю всё возможное! – патетично восклицает он, стряхивая пепел прямо на папку с отчетами. – Я созваниваюсь со всеми, я буквально молю о помощи... Мы не можем пасть! Это же школа имени Пушкина, в конце концов! Наше всё!

Но его безжалостно оборвали на другом конце провода, и финальным аккордом прозвучал сухой, холодный голос:

– Если в ближайшие месяцы не будет результатов, Семён Аркадьевич, вы уволены.

Выпустив через ноздри две мощные струи дыма, Козловский нервно сглотнул, и теперь его багровая лысина, влажная от пота, буквально источала пар: казалось, еще секунда, и директор засвистит, как забытый на плите чайник. Физиономия его выглядела смешной; вокруг драма творится, нужно срочно принять решение, но чем больше он суетился, тем смешнее выглядел, как загнанный в угол колобок.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась и на пороге возникла Екатерина Гусева, красавица учительница; она с трудом вгляделась в эту сизую мглу, потом яростно замахала руками и стала разгонять туман вокруг своего безупречного лица. Гусева была единственным человеком в школе, чьего взгляда Козловский опасался, или по крайней мере, вступая в спор, не касался её личности, следил за тем, чтобы не обидеть, - знал, как она поставит его на место, забыв о ролях директора и учительницы.

– Семён Аркадьевич, вы решили устроить самосожжение?! Здесь же видимость как в лондонском порту! Окна откройте...

Но Козловский вжал трубку в плечо и прохрипел, даже не оборачиваясь:

– Это не самосожжение, Екатерина Сергеевна. Это догорают остатки моей репутации. Покиньте помещение!

– Даже не подумаю. – Гусева сделала решительный шаг к его столу, и ни капли не смущаясь его рыка.

В дверях за её спиной появилась завуч, она тут же прижала к носу кружевной платок и вскрикнула:

– Господи, Семён! Это газовая атака?

– Я разговариваю с Министерством! – рявкнул Козловский, выглядя так, словно кабинета сейчас для него не существует – он в Министерстве.

Перед женщинами он теперь стал похож на разъяренного моржа в тумане.

– Вы с ним живете, с этим Министерством! – отрезала Гусева и бесстрашно забрала со стола пепельницу, чтобы он до неё не дотянулся. – Идемте, Маргарита Степановна, здесь уже филиал крематория, какой-то сумасшедший дом!

И учительницы попятились к двери.

Наконец, разговор подошёл к концу, и директор с грохотом опустил трубку. Потом поднялся, но слегка пошатываясь, после этого министерского нокаута. Он немного постоял, и его взгляд упал на портрет Пушкина, висящий на стене. В кабинете стояло такое марево, что черты лица Александра Сергеевича на портрете будто поплыли, и директор вдруг начал покачиваться на месте. Ему почудилось, что великий поэт не выдержал министерского разноса. По бакенбардам классика поползли крупные, тяжелые слезы, оставляя на холсте влажные дорожки. Что за чертовщина? Директор моргнул, но кабинет уже кружился, и Пушкин рыдал навзрыд, и словно капли его бронзового отчаяния с тихим кап-кап разбивались о пыльный паркет. Козловский зажмурился, тряхнул головой, но видение не исчезало, и он смахнул пот со лба. Похоже, школа уже плакала в унисон со своим патроном, и Семён всерьез испугался, что следующим этапом Пушкин начнет биться головой о раму.

2. ЧЕРЕПАХА-ИВАНЫЧ И СОЧИНЕНИЕ БОРИСА

Что же происходит у Черепахи Иваныча?

В воздухе витает запах озона и перегретого металла, его лаборатория будто живёт своей жизнью и пульсирует в такт его безумным идеям, и учёный сейчас мечется по комнате с фанатичным блеском в глазах. Его пальцы судорожно перебирают кипы бумаг, чертежи, старые приборы; он то и дело останавливается, будто собирается спасти человечество, а затем снова срывается с места и бормочет что-то о великом возрождении ...

Постоянно Иван Иванович бросает восхищённый взгляд на металлические лица под тусклым светом старой лампы. В углу лаборатории стоят четыре робота-скелета; облик у них, не поверите, как у подростков: две девочки и два мальчика. В руках у Иваныча картонки-таблички с именами. «Так, так, это у нас Юлечка» - говорит Иваныч под нос и вертится на месте, боясь что-то спутать; затем подходит к одному из Скелетов и вешает на шее табличку с надписью – «Юлия». Рядом на лабораторном столе устроилась искусственная черепаха-скелет: такой игрушечный вариант логотипа института, и также сконструированный Иванычем. Учёный берёт черепаху, аккуратно ставит её в руку Скелета, прозванной Юлией, и пытается бережным движением руки найти идеальное расположение черепахи в костлявых пальцах. Минуту он любуется Скелетом с черепахой и оглядывается в поисках остальных табличек с именами.

В этот момент, в дверях лабораторной, появляется Кирилл: молодой, подтянутый учёный с ироничной полу-улыбкой, который приходится сыном Иванычу; его аккуратный костюм контрастирует с хаосом лаборатории. Он вздыхает, наблюдая за отцом, и начинает:

– Пап, перестань. Это уже другая эпоха. Твой научный эксперимент рассмешит всю страну! Какой СССР? Даже если ты превратишь эту школу в советскую, это не повлияет на страну глобально. Выброси это из головы. Давай жить в наше время и смотреть в будущее.

Но Иван Иванович не слышит; вместо этого он подходит к роботам и обращается к ним, как к живым детям:

– Татьяна, Юлия, Георгий, Дмитрий, ну что, мои хорошие? Не расстраивайтесь. Час наш близок, я чувствую. Да, Козловский противится, но сам не ведает, что творит. Ничего, всё не за горами. Школа уже на грани. Рано или поздно моё предложение заинтересует.

Он говорит с такой нежностью, что Кириллу хочется рассмеяться, если бы ситуация не была такой абсурдной.

– Сыночек, – Иван Иванович оборачивается к сыну, и его голос становится писклявым, почти детским, – мы на грани великого возрождения! Страна моя советская вернётся, и школа моя – великий дом, откуда я родом! Видишь этих молодцев? Это мои дети, моё творение. Всё продумано: характер, культура, реакции. Они будут лучшими учениками в истории школы имени Пушкина!

– Пап, представим, что тебе разрешили провести этот эксперимент советизации. Но как ты объяснишь всё детям? Пойдёшь, встанешь перед ними и представишь этих скелетов? Ты знаешь, какие сейчас подростки? Да они разберут этих роботов на части на второй день! А эта черепаха ... зачем она?

Но Иван Иванович лишь снисходительно улыбается; он уверен, что разговаривает с неразумным ребёнком:

– Сынок, всё хорошо. Не надо их представлять. Они сами пойдут в школу, как живые подростки. Поверь мне, так будет эффектнее. Рано или поздно все воспримут их как людей. Так будет проще для их психики. А черепаха ... ну, сын, это же наш логотип! Пусть будет в руках у Юлии, как её любимая игрушка, как домашнее животное. Пускай носит с собой в школу. Поверь, эта черепаха ещё прославит наш институт во всём мире!

Кирилл устало трёт переносицу:

– Пап, я знаю, что институт заставил тебя сделать эту черепаху. Им лишь бы свой логотип прославлять.

И снова Иван Иванович не слушает и гладит одного из робота по металлической голове, нежно шепча:

– Я вас одену, я вас подготовлю. Настанет этот день, мои хорошие.

И дверь лаборатории со скрипом закрывается, оставляя Ивана Ивановича наедине с его фантазиями и четырьмя железными молчаливыми детьми.

Теперь познакомимся с Борисом Макаровым и Вовой Савельевым.

Старая деревянная скамейка, потрескавшаяся от времени, приютила Бориса Макарова, худого и темноволосого мальчика в очках – которого, к сожалению, полшколы привыкло называть "очкариком". И сейчас он весь погружён в мир своих фантазий. Его пальцы порхают над страницами тетради, с ловкостью фокусника выводят строки. Он бросает взгляд то на проезжающие вдалеке машины, то на здание научно-исследовательского института; время от времени он таинственно улыбается рисунку - огромной черепахе в очках; и кажется, будто этот рисунок на стене, Бориса завораживает. Он смотрит, - или скорее созерцает, - затем снова уплывает в тетрадь и черкает слова.

Но тишину разрывает громкий хохот. К Борису приближается весёлая банда: это Вова Савельев, крупный светловолосый хулиган в окружении двух дружков. Вова, который выглядит в два раза крупнее своих лет, останавливается в шаге от Макарова, и его глаза искрятся насмешкой.

– Ты чё, в натуре выиграл конкурс по литературе? – расхохотался Вова. – Ахах, да, я слышал, - типа роботы оживают среди людей. Ну ты и фантазёр, Макаров, ну реально дурак. Чё ты там опять пишешь? Новую повесть? Ахаха.

Борис оторвался от тетради, посмотрел на Савельева с лёгкой грустью; в его взгляде читалась незащищённость учёного, столкнувшегося с невежеством толпы. И голос Макарова зазвучал спокойно, почти отстранённо, будто доносился из другого измерения:

– Наш учёный Иван Иванович хотел внедрить роботов в человеческие семьи, чтобы они помогали людям с хозяйством: были няньками для детей, ходили в магазины за продуктами, и облегчили жизнь людей. Но государство запретило ему проводить такие эксперименты. Они посчитали, что это ведёт к деградации человека, что люди станут лентяями и потребителями, забудут о ручном и даже умственном труде.

Он сделал паузу, словно взвешивая каждое слово:

– Если бы вы интересовались историей, то знали бы об этом. А я вот уверен, что роботы, живя среди людей, могли бы ожить. Моё сочинение рассказывает о том, как робот оживает, работая в семье прислужгой, и становится членом семьи.

Вова издал странный звук носом и выглядел, примерно, как клубный электронный ди-джей, только что побывавший на оперном драматическом спектакле Марии Каллас; он недоумённо переглянулся с друзьями, затем догадался, о ком шла речь, и засиял:

– Черепаха Иваныч? Ахах. Ты чё, про Черепаху Иваныча говоришь? Так он же больной! Над ним весь его научный институт ржёт. Блиннннн, Макаров, откуда столько бреда в твоей башне? Ну откуда? Ладно, сиди тут дальше, лох, мечтай о роботах.

В этот момент, неожиданно, въехала во двор Ксения Петрова, как маленький солнечный зайчик на самокате. Не сбавляя скорости, катаясь весёлыми кругами, она уверенно и громко провозгласила:

– Между прочим, Макарова уже знают во всём городе! Его сочинение опубликовано в литературном журнале. Он может стать писателем. Вот увидите, потом будете гордиться, что в одной школе с ним учились. И ничего смешного в роботах нет! У них тоже может появиться сознание и душа, поняли? Всё может быть!

Снова компания Вовы разразилась гоготом, но в их смехе уже не было прежней уверенности, а скорее, попытка скрыть растерянность перед неожиданной поддержкой.

– Ой-ой, смотри, Боря, за тебя заступились! Ахаха! Это твоя защитница, хаза. Ладно, парни, валим отсюда, а то страшно.

И Савельев махнул рукой, и банда, гогоча, удалилась. Борис проводил их взглядом, в котором смешались грусть и облегчение, после чего снова уткнулся в тетрадь. Ксения присела рядом: в её взгляде читалась не просто поддержка, а целая вселенная веры в его талант. Она осторожно коснулась ручкой его колена, всмотрелась снизу в его глаза за очками, и тихо сказала: - Честно, я верю.

Рука Бориса почувствовала, как тетрадка стала втрое тяжелее.

И вот, поздняя ночь! Кухня в доме Козловского в напряжённом полумраке. Семён сидит, опершись локтями о столешницу. Он медленно потягивает виски, дым от сигареты клубится в воздухе, смешивается с алкогольным паром, а лицо отражает усталость и отчаяние. Его жена, Наталья, появляется из тени, бесшумно, и осторожно садится рядом; её голос мягок:

- Семён, что случилось? Ты сам не свой.

Козловский вздыхает:

– Министерство даёт мне два месяца. Если за это время я не изменю ситуацию в школе, меня уволят.

Несколько секунд Наталья молчит; её пальцы нервно перебирают край скатерти. Затем она тихо произносит:

– А как насчёт предложения Ивана Ивановича?

Тут лицо Козловского искажается:

– Милая, но он ненормальный! Знаю я его, мы же в конце концов одноклассниками были, в этой же проклятой школе. Кто бы мог подумать, что директором стану ... Вообще, он уже в возрасте. Ты бы слышала, как он говорит об СССР, что надо его возродить! Он живёт в прошлой эпохе. Сначала хотел внедрить этих своих роботов будущего в общество – и, слава

богу, не вышло. А теперь уже другая безумная идея – возродить советское прошлое. Он хочет всунуть роботов-подростков мне в школу, чтоб они вели себя как советские школьники. У него съехала крыша! Это же 2000-ые, милая.

Но глаза Натальи полны решимости; она наклоняется вперед:

– Дорогой, это единственный способ спасти школу и твою должность. Пусть они наведут порядок в школе. А вдруг получится? Это подарок судьбы – этот Иван Иванович. Я понимаю, что ты бы на это не пошёл, но раз ситуация такая ...

И долгая пауза повисает в воздухе. Жена уходит. Козловский сжимает стакан, его взгляд блуждает по комнате. Затем физиономия застревает на стене минут двадцать. После раздумий, он набирает номер на телефоне:

– Я согласен. - звучит фраза; произнеся это, Козловский чуть огляделся, будто сама кухня замолчала, удивлённо наблюдая за ним. - Жду твоих роботов-школьников.

Стоит тишина; Козловский не садится, через небольшое окошко смотрит в тёмную ночь. Кажется, тиканье часов, которое сейчас через чур громкое, знаменует начало новой, непредсказуемой главы в жизни школы имени Пушкина.

3. ПОЗНАКОМЬТЕСЬ, ТОВАРИЩИ! ТАТЬЯНА, ГЕОРГИЙ, ЮЛИЯ И ДМИТРИЙ

Что творилось в школьном буфете... От их смехов, от криков и звона тарелок, казалось, аж воздух дрожал. Уже по всему буфету школьники швыряли друг в друга еду; они орали последние словечки, какие только выучили за последнее время, и пытались сражаться столами, толкая их друг в друга.

И всё началось с того, когда один из учеников, с ухмылкой на лице, подошёл к девушке-спортсменке, которая спокойно ела кашу.

– Ты ешь мой понос! – выкрикнул он и, не дожидаясь реакции, рванул прочь.

И спортсменка, сжав кулаки и взревев от ярости, бросилась за обидчиком. Этот взрыв эмоций и стал искрой; подростки, уже оскорблённые испорченным аппетитом, начали швырять вслед беглецу всё, что попадалось под руку: язычки – пирожные в форме языка; компоты, разлетающиеся алыми брызгами; тарелки с сосисками и горохом

А буфетчицы, как маленькие островки спокойствия в этом урагане, в ужасе прижались к стене; их крики «Мамочки!» тонули в общем гвалте, как мольбы о помощи в шторм.

В этом хаосе затерялся Борис Макаров; он был весь сосредоточенный, опять в своих бумагах, и пытался записать идеи для нового сочинения, но не вышло: чей-то бутерброд с силой врезался прямо ему в лицо. Тут же Борис схватил свои листки и спасаясь, рванул к выходу. А когда буфетчицы, доведённые до предела, схватили швабры, словно средневековое оружие, и угрожающе шагнули вперёд, подростки восприняли это как вызов, с хохотом и криками:

– Да блин, они реально идут на нас со швабрами, капец!

– Кто не успел – тому тряндец!

И грохот отодвигаемых стульев слился в единый гул; сразу же толпа школьников синхронно бросилась вон из буфета. Потом, в дверях образовалась шумная пробка: кто-то перепрыгивал через порог, кто-то, смеясь, втискивался плечом между соседями.

В коридор они выплеснулись бурным потоком и разлетелись в разные стороны. Там, в центре этой беготни, появилась завуч; она растерялась с зажатым в руке журналом, но попыталась как-то взять ситуацию под контроль:

– Так что происходит?! А ну ЦЫЦ!

Но похоже, она только подлила масла в огонь; её призыв к тишине утонул в издевательском вое; подростки подхватили её слова как фанатскую кричалку и заорали на весь этаж:

– Она сказала ЦЫЦ! ахаха ... ЦЫЫЫЦ!

А бедный Борис Макаров всё метался в этом людском водовороте, уже окончательно потеряв ориентацию; отовсюду на него летели потные локти, рюкзаки, ругательства. Не успел он увернуться от летящей мимо группы пятиклассников, как на него налетела толстушка старшекласница, и удар плечом был такой силы, что Борис буквально вылетел из ботинок и плашмя рухнул на кафедру.

– Ну ты и тормоз, Макаров! Смотри, куда встал! – прошипела она, даже не обернувшись.

И Борис теперь попытался срочно закрыть собой драгоценные листы, барахтаясь в липкой жиже, принесённой на подошвах из буфета. Чей-то грязный кроссовок едва не впечатался в его лучшее вступление, и уже не оставалось ничего, как сжаться в комок. Борис ожидал, что его сейчас просто раздавят. И вдруг ...

Тишина! Будто в школе выключили звук. На несколько секунд коридор словно вымер. И затем, в этой звенящей пустоте, раздался голос, – и такой чистый, глубокий и спокойный, словно прозвучал удар серебряного колокола:

– Товарищ, эта мочалка вас не сильно ушибла?

В первую секунду Борис побоялся даже пошевелиться. Потом медленно поднял глаза, и чуть сердце не пропустило удар от увиденного. Прямо перед ним стоял ... СКЕЛЕТ. К Борису тянулась костная рука, белесая и пугающе детальная. Она тянулась изящно, предлагая помощь, но Борис не двигался. Тогда голос, доносящийся из-за черепа, мягко продолжил:

– Вы бумаги не растеряйте. Я Юлия, а это моя Черепаха.

И тут, крик пронёсся по толпе, и такой, каких даже эти стены ещё не слышали.

– Аааа, это же Скелет разговаривает! Она ... он ... она говорящая ...

– Блин, она сказала что-то ... она с Борей разговаривает, я видел!

– Смотрите, ещё трое идут ...

И действительно: у входа в школу виднелись ещё три Скелета; они приближались. И они одетые ... в стиле советских школьников? Да, похоже на то: у них портфели, и аккуратно застёгнутые куртки, и даже парики, но черепа вместо лиц. Они двигались с неестественной грацией; на первый взгляд, когда они приближались, многим показалось, что это гуманоиды, сошедшие только что с космического корабля; в тот момент оставалось только в страхе затаить дыхание. Борис какое-то время стоял весь зачарованный, сжимая свои бумаги, но потом наконец осознал себя и тихонько отступил назад. Где-то с краю, за группой школьников, спрятались Вова Савельев с друзьями, и тоже застыли, как статуи. Охранник «Прыщавый» забыл о своём чае, который теперь украшал пол.

Напряжение в коридоре достигло апогея; все продолжали стоять с широко открытыми глазами. Но потом вдруг ворвался громкий, знакомый голос:

– А ну тихо!

И в центр коридора влетел Семён Козловский. И сейчас, он будто стал вдвое меньше и круглее, чем обычно, с его бликующей лысиной в свете ламп. Сначала, дрогнув от Скелетов, директор потерял равновесие и приземлился на пятую точку; затем пружинисто вскочил, поправил штаны и провозгласил:

– Сохранять спокойствие! Это всего лишь Роботы, роботы. Это научный эксперимент, это ... пугаться не надо ... просто научный эксперимент ...

И после этих слов, страх немного растворился. Где-то стоящая между крупными школьниками, маленькая Ксения Петрова, прошептала:

– Круто, почти как Мега-Пекачу в школьной форме!

Скелеты уже стояли в идеально ровной линии.

Неподалёку стояли подружки Дарья и Вика, те самые фанатки «Тату»; одна из них, хоть и испытывала лёгкий страх, но не подавала виду, и приняв храбрый вид, громко жевала жвачку, раскрывая при этом рот вовсю, и поигрывала брелоком в форме пистолета.

– Научный эксперимент? А чё, прикольно. – сказала она подружке.

Наконец, один из Скелетов, напоминающий девочку, как-то торжественно выдвинулся вперёд. И немножечко всех отбросило назад, на пару сантиметров, когда Скелет сделал шаг. Все смотрели, не моргая – «Что же Скелет собирается произнести?».

– Товарищи! - прозвучал голос, с каким-то высоким достоинством, отчего даже учителя почувствовали себя какими-то ... невоспитанными что ли? - Позвольте представиться, я Татьяна. А это Георгий, Юлия и Дмитрий. Просим принять в коллектив!

Когда прозвучали эти слова, толпа подростков так недоумённо переглянулись между собой, будто услышали что-то на китайском. За ними стояла завуч, которой было ни до слов, она только держала руку на груди, довольная тем, что сердечко успокоилось.

Один из младшекласников заметил в руках Скелета-Юлии костяную черепаху; причём черепаху-скелета, которая, кажется, шевелилась.

– Ой, смотрите, у неё на руках там кажется ... черепаха! Это что, типо, скелет-черепаха?

Теперь все разом уставились на эту черепаху. И наконец Семён Козловский вспомнил, что он директор. Он схватился за штаны и демонстративно вытянулся, уже собираясь что-то сказать или объявить. Но тут Скелет-Татьяна его опередила и мягко произнесла:

– Вид у учащихся небрежный. Куда форма подевалась?

И услышав это, Козловский почувствовал себя мальчиком, которого отчитывают взрослые. Стало неловко, но нужно было взять себя в руки, и после недолгой паузы, он собрался, уверенно поднял руку, и объявил:

– Так, ребята, давайте-ка разойдёмся в классы! А вы, все четверо, пойдём-ка в мой кабинет. Всё ребята. Слышали? По классам, быстро!

Скелеты ушли с директором, школьники ушли в классы, и школьные коридоры притихли. Но воздух вибрировал от невысказанного любопытства. Сама школа затаила дыхание.

И особенно не могли сдержать эмоций младшекласники. Теперь они то и дело подбегали к учительницам, дёргали их за рукава, и заглядывали в глаза с нескрываемым азартом:

– Ну можно тихонько посмотреть, что они там делают? Можно быстренько?

В это время в директорском кабинете четверо Скелетов - жутковатых советских инопланетян - выстроились перед Семёном Козловским, и директор выглядел немного растерянным, даже напуганным. Он пытался наладить контакт, познакомить их со школой, объяснить правила, но с каждым словом ощущал, как почва уходит из-под ног.

Между тем два отважных младшекласника совершили дерзкий рейд. Они нашли предлог покинуть класс – якобы срочно нужно в туалет – и подкрались к двери кабинета директора. И тихонько прильнув к узкой щели, мальчишки попытались разглядеть Скелетов. Ух, вот они кости, кажется Скелета-Девочки, потому что там юбка! И идёт какой-то серьёзный разговор ...

И затаив дыхание, мальчишки подслушивали, ловили каждый звук. А когда дело дошло до смешного, то закрыли рты друг другу ручками; они слышали, как Козловский запинается, пытаясь подобрать слова для разговора с металлическими созданиями. И кульминацией их смеха стал диалог, когда Козловский, осознавая превосходство Скелетов в знаниях, осторожно попросил:

– Пожалуйста, не будьте слишком строгими в вопросах учёбы ...

Но Скелет-Татьяна не дала ему закончить, она медленно перевела взгляд на портрет Александра Пушкина, висящий на стене рядом с директором, и потом произнесла с удивительной поэтичностью:

– Директор, знания придут. А главное – беречь честь смолоду, что в школе, что за её стенами.

В этот момент и послышался тихий, сдвленный смех за дверью кабинета. Младшекласники переглянулись:

– Она сказала это ... берегите смолоду! Хаха, Козловский тупит!

А в туалете школы имени Пушкина уже стояла тревога. Там, словно капитан пиратского корабля перед битвой, стоял Вова Савельев; командир так и хотел показать друзьям, что всё под контролем, но это выглядело не убедительно. Он нервно тряс ногой, выбивая дробь на холодном кафельном полу, и похоже, грязная труба рядом с ним, на которую он пялился уже минут десять, никак не даёт ответов на – «Что же делать?». Пока что, его пальцы лишь судорожно сжимают сигарету, а взгляд мечется между двумя друзьями. Слышно только тихое шипение воды в трубах. Один из друзей с загадочным прозвищем «Пельмень» стоит ссутулившись, у раковины, и крутит в руках пустую пачку от чипсов. Другой – Юра, прислонился к стене, и наблюдает за Вовой так, будто ждёт приказа к атаке.

– Это они типо нас роботами решили запугать, – говорит Вова. – учиться хотят заставить. Я знаю. Да я им могу этих роботов пополам сломать!

– Вов, а что такое научный эксперимент? – испуганно спрашивает Пельмень.

– Это проверяют типо они работают или нет ...

– Так они же вроде работают ...

– Ну или временно здесь просто ... – Вова делает глубокую затяжку.

Думая о Скелетах, он всё больше начинает напоминать льва, загнанного в клетку, – такой грозный и растерянный.

Юра отрывается от стены; его голос звучит задумчиво:

– А чё это они так странно разговаривают? Как из старых фильмов.

Вова резко поворачивается к нему.

– Они по ходу советские.

– Какие?!

– Советские! – громче повторяет Вова. – У меня мама советские фильмы любит, целый день смотрит. Эту, как его ... Бриллиантовая рука!

А Пельмень вдруг оживляется; его лицо озаряется внезапной догадкой:

– А, да! Мой папа тоже там что-то смотрит про партизан. И ещё говорил – великую страну угробили из-за колбасы!

И тут Вова выпрямляется и заявляет:

– Я сам организую партизанский отряд против этих скелетов. Мы им покажем, кто тут главный!

– Блин, этот Макаров радуется, стопудово. – осеняет Пельменя.

Юра подхватывает с ехидством:

– Ага, его тема! Щяс ещё оживут, не дай бог, и его это сочинение будет в яблочко!

– Не тупи! – рявкает Вова; все мгновенно затихают, будто по команде – Смирно.

И на несколько секунд в туалете повисла тишина. Затем Пельмень осторожно нарушает молчание:

– Слышь, Вов, а там же у них вроде кости, ну, крепкие?

Юра хмыкает:

– Да они максимум из металла сделаны.

Но Вова задумчиво чешет затылок; его лицо искажается в гримасе напряжённой мысли. Потом он резко вскидывает голову, и в его глазах загорается огонёк решимости:

– Забей. Что-нибудь придумаем. Главное, чтоб не спалили.

4. ОНИ ЗДЕСЬ!

Табличка на двери кабинета географии, криво висящая и наполовину скрытая слоями мятной жвачки, словно насмеялась над самым понятием – «урок». Сквозь липкие наслоения едва проступали буквы: Кабинет географии. Л.А. Чумакова.

Пока ещё, коридор школы имени Пушкина старался жить своей привычной жизнью, и коридор бурлил, шумел, смеялся. Здесь царил хаос из щелчков раскладушек, ритмичных зву-

ков музыки «Руки Вверх» и резких воплей: не толкайся!. И теперь, среди этого водоворота внимания учеников притягивал необычный объект: Скелет-Юлия. Она напоминала музейный экспонат с табличкой – «не прикасаться!». Но любопытные школьники всё равно пытались спровоцировать её; они подходили и щёлкали пальчиками перед её глазами.

Видимо, остальных её товарищей-Скелетов распределили в другие классы.

Скелет-Юлия двигалась с почти человеческой осторожностью, так, как будто её металлические локти-кости боялись задеть невидимые преграды. В металлических руках она бережно держала маленькую, такую же металлическую, как она сама, черепаху-скелета, и этот робот-компаньон выглядел как золотая корона в руках королевы, настолько трепетно Юлия его несла.

Вдруг тихий, почти неуловимый звук заставил одного из школьников подпрыгнуть так резко, будто выстрелила пружина у него из-под ног.

– Эй! Она что, живая?! – взревел он, уставившись на черепаху-скелета.

Скелет-Юлия склонила голову, да ещё и с видом какого-то древнего мудреца, который сейчас будет анализировать загадку Вселенной. Её голос, холодный и точный, прозвучал как приговор:

– Писк не соответствует протоколу хранения. Возможно, требуется профилактика эмоционального чипа.

И коридор взорвался хохотом. Только Борис Макаров хранил молчание, внимательно изучая острым взглядом Скелета-Юлию, словно пытаясь прочесть её.

Дверь кабинета распахнулась, на пороге возникла Лидия Алексеевна, и кажется, бедная географичка уже выглядела бледной. Стараясь не смотреть на робота-девочку, она как-то лихо-радожно замахала рукой:

- Заходим, быстро. Не толпимся. И робот тоже заходит.

И почему-то она надеялась, что Скелет-Юлия почувствует смущение, может как-то отступит. Но робот не знал значения слова - «стесняться». Она вошла в класс с такой уверенностью, что дверь, казалось, отступила в испуге.

Урок быстренько начался, без лишних слов, и Лидия Алексеевна вцепилась в карту Африки, - но сегодня сделала это так, как утопающий хватается за спасательный круг. А судьба уже готовила свой финальный аккорд.

Скелет-Юлия подняла металлическую руку, - это был идеальный, математически выверенный жест. Учительница побледнела ещё сильнее.

– Согласно карте 1986 года, ваши данные устарели. – произнесла Скелет-Юлия голосом, лишённым эмоций.

– Что?..

– Эффективнее начать с климатических зон. Рост усвоения информации – двадцать семь процентов.

Учительница оглядела класс, и уже с отчаянной надеждой, словно ища поддержки:

– Дети, ну скажите ей, что у нас нормальный урок.

Но дети уже склонились над тетрадями, послушно записывая слова робота. В их движениях уже читалась обречённость.

Мальчишка шепнул соседу с трагизмом в голосе:

– Всё, мы попали. Нас будут учить роботы.

Затем, Скелет-Юлия встала, подошла к доске, а потом изящно взяла указку из рук учительницы. Та даже не попыталась сопротивляться.

– Разрешите показать, – прозвучал голос скелета-девочки, чёткий, как удар метронома.

Лидия Алексеевна бесшумно опустилась на первую парту, и похоже, силы уже покинули её. Ученики никогда не видели учителя, сдающегося так быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.